

Вячеслав Циватый
(Київ)

**ИДЕЙНЫЕ КОНФРОНТАЦИИ
ЕВРОПЕЙСКОЙ РЕФОРМАЦИИ:
внешнеполитические и исторические особенности
институционализации кальвинистских теорий
политического сопротивления (взгляд из XXI века)**

В 2017 году в мире отмечается 500-летие Реформации, создавшей третью, северную ветвь христианства. Рождение и становление протестантизма в нескольких западноевропейских и восточноевропейских странах изменили жизнь христиан Европы и Нового Света, оказали заметное влияние и на православные восточные церкви.

Реформация была сложным, многосторонним явлением, включавшим в себя не только христианское духовное возрождение и возвращение к апостольским нормам церковной жизни, но и политическую, политико-дипломатическую, социально-экономическую и культурную трансформацию прежде всего европейских обществ [2; 5; 14].

Нынешний юбилей – прекрасный повод обратиться к истории этих событий с позиций сегодняшнего дня, к урокам и опыту религиозных реформ, их результатам и актуальности богатейшего опыта для современных христиан всех конфессий и деноминаций без исключения. Юбилей Реформации – общий для всех христианский праздник.

В данном исследовании внимание уделено особенностям институционального развития моделей дипломатических служб в условиях влияния социальных протестов на систему международных отношений, образовательно-культурные ценности и ментальные установки ренессансного европейского общества, а также процессу трансформации международных отношений в условиях социального кризиса [4; 5].

Реформация, формальным началом которой принято считать события 1517 года в Виттенберге, была центральным событием эпохи раннего Нового времени, во многом определившим облик современного общества.

Европейская Реформация является одним из интереснейших периодов всемирной истории. Это явление всегда остается в центре внимания тех, кто интересуется историей христианской Церкви и ее богословских идей. Реформация воздействовала на различные области жизни, способствовав не только пересмотру самой христианской доктрины и обновлению христианской духовности, образовательно-культурных ценностей, но и изменив структуры Церкви и нравственные критерии общества. Движение Реформации основывалось на ряде последовательно сформулированных идей, которые лежали в основе намеченной и, в той или иной степени, реализованной программы реформ [11].

Главный акцент сделан на рассмотрении кальвинистских теорий политического сопротивления, которые институционализировались в XVI веке. Содержание этих теорий анализируется с учётом политико-дипломатического контекста ренессансного гуманизма, а также религиозной мотивации и особенностей культурного развития ренессансной Европы. На примере конкретных теологов (Жан Кальвин, Мартин Лютер, Ульрих Цвингли, Мартин Буцер и др.) показано институциональное развитие реформатской политической мысли и кальвинистского направления в частности, а также отмечено её влияние на более поздние секулярные политические концепции в Европе, в частности, в Восточной Европе [2; 9; 10].

Как правило, Жана Кальвина изображают как деятеля, который поддерживал преимущественно активную связь с Севером и Западом Европы, другими словами, значительно повлиял на религиозную жизнь Франции, Англии, Нижних земель [Нидерландов] и Рейнской области. Для этого утверждения существует определенная почва, однако следует дополнить, что, во-первых, были и другие важные представители реформатской ветви протестантизма, которые оказали влияние, эквивалентное влиянию Кальвина, на Реформацию во многих из этих мест; во-вторых, Женева не была центром, который объединил вокруг себя всё реформатское движение в Европе; в-третьих, культурная карта ранней современной Европы, как показывает переписка самого Кальвина, указывает на намного более широкий контекст Реформации, включая сюда и Восточную Европу.

Изучение переписки Жана Кальвина радикально изменяет представление о том, какой была географическая и культурная

карта Северного Ренессанса/Реформации в глазах и опыте такого ренессансного гуманиста и религиозного реформатора, как Жан Кальвин. В частности, это становится ясно, когда не только изучаются письма, которые приходили к Кальвину от разных польских вельмож и церковных деятелей и ответы на них Ж. Кальвина, но также исследуется более широкий эпистолярный контекст, в котором Кальвин и польские реформаторы появляются не просто как корреспонденты, но и как эпистолярные партнеры со многими другими в значительно более широком корреспондентском сообществе [12, с. 71–96].

В центре нашего внимания три самые «кальвинистские» государства Европы – Швейцария, Шотландия и Нидерланды, а также, несомненно, Франция, события в которой сыграли важнейшую роль в формировании кальвинистских политических взглядов. Возникнув в этом географическом ареале, кальвинистские протестные движения имели своё распространение и оказали политическое воздействие и на Восточную Европу [8, с. 97–121].

Библейская идея завета для реформаторов и реформаторской традиции имела большой политический потенциал и сохраняла свою актуальность в быстро меняющемся политико-дипломатическом мире ренессансной Европы. Институциональный подход и компаративный анализ позволяют рассматривать деятельность Мартина Лютера и Жана Кальвина в тесной связи с богословской мыслью апостола Павла, включая аспекты *theologia* и *philosophia Crucis*. Но это подразумевает и экуменическое измерение непростой тематики – диалог между христианами, его перспективы для будущего [1].

Исследуя институциональные процессы в европейской внешней политике и дипломатии раннего Нового времени (XVI–XVIII вв.), автор исследования стремится показать не только историю развития внешней политики и дипломатии в общеевропейском и институционально-цивилизационном контексте, которая уже была предметом исследования ученых, а выделить ее функциональный аспект именно в контексте влияния социальных кризисов, реформатских движений, общественно-политической мысли на процесс формирования внешнеполитической стратегии Европы в XVI–XVIII веках.

В истории институционального развития органов внешних сношений государств, дипломатия и её институты всегда

рассматривались как часть социополитической, религиозной и исторической культуры общества, как одно из самых главных средств защиты интересов государства в процессе государственного строительства как в мирных условиях, так и в периоды социальных кризисов и войн Средневековья и раннего Нового времени.

Актуальность темы исследования определяется научной и теоретической значимостью затронутых в нём проблем. В современном мире всё более повышается значение дипломатии и политико-дипломатического инструментария в мировой политике, мировой религии и политической конфликтологии.

Цель статьи – проанализировать особенности институционального развития внешней политики и дипломатической службы, формирования дипломатического инструментария в Европе в исследуемый период в контексте многообразных процессов Реформации и социальных кризисов.

В конце XV века Европа вступает в новый период межгосударственных отношений. Эти тенденции и новые правила дипломатической игры нашли чёткое отражение в событиях и перипетиях Итальянских войн (1494–1559) и продолжали бытовать в дипломатических практиках в течении всего периода раннего Нового времени (XVI–XVIII вв.). В новых политических условиях формируются и новые взгляды на внешнюю политику и дипломатию, её инструментарий, действия дипломатов [16, с. 371–377].

В течение многих столетий Франция играла ведущую роль в европейской и мировой политике [20].

Европейская дипломатия в новом статусе направила свои усилия на выход на международный плацдарм в качестве реального международного актора. Теория и практика дипломатии раннего Нового времени нашла своё отражение в следующих трудах дипломатов: Никколо Макиавелли «Государь», Филипп де Коммин «Мемуары», Франческо Гвиччардини «История Италии», Бернар де Розьер «Краткий трактат о послах», Абрахам де Викфор «Посол и его функции», Альберико Джентили «Три книги о посольствах», Ермолао Барбаро «О службе посла» и т. д. [6; 15, с. 287–294; 17].

В XVI–XVIII веках в модели дипломатии Франции (французская модель дипломатии) приоритетной становится тенденция

к повышению формального значения практических полномочий дипломата вместе с сохранением важности функции репрезентации и коммуникации [18; 19].

Европейская дипломатия раннего Нового времени формировалась в особых условиях – условиях Реформации, социальных кризисов и протестных движений. Особый интерес представляют кальвинистские теории политического сопротивления, которые институционализировались в XVI веке: содержание, политический контекст, религиозная мотивация. Фактологический и событийный фон, исторические подробности позволяют лучше понять устройство тогдашней Западной и Восточной Европы и осознать смысл политического сопротивления. Одной из главных вех в этой истории были кальвинистские политические теории и, в частности, кальвинистские теории политического сопротивления. Считается, что величайшим воплощением принципов, заложенных в этих теориях, в исторической перспективе стали английская Славная революция 1689 года и Американская революция 1775–1783 годов.

В центре внимания, в контексте указанного, являются три самые «кальвинистские» страны Европы – Швейцария, Шотландия и Нидерланды, – и, несомненно, Франция, события в которой сыграли важнейшую роль в формировании кальвинистских политических взглядов.

Обычно раннюю реформатскую традицию связывают в первую очередь с именем Жана Кальвина (1509–1564). Однако необходимо помнить, что Кальвин был представителем второго поколения Реформации и во многом зависел от умозаключений и достижений первых реформаторов. Поэтому к этому вопросу необходимо подходить комплексно, наряду с богословием Кальвина, необходимо говорить и о концепте «сопротивление», и о трактовках возможности сопротивления властям и представителей первого поколения Реформации, в частности, Мартина Лютера (1483–1546), Ульриха Цвингли (1484–1531) и Мартина Бучера (1491–1551) [9; 10; 15, с. 36–66]. Для всех четверых характерно, что большую часть жизни после обращения в протестантизм они жили в городах, которые политически контролировались их сторонниками.

Но существует и другой институциональный контекст, в котором протестанты были явным меньшинством, подвергались

преследованиям и в самом прямом смысле были вынуждены бороться за свое существование. Это и являлось институциональной особенностью кальвинистских теорий сопротивления именно во Франции.

Хотя во Франции протестантизм зародился под влиянием идей Мартина Лютера, уже в 40-е годы XVI века почти все французские протестанты были последователями Цвингли и Кальвина, а не Лютера. Оппоненты называли их «гугенотами», хотя сами они предпочитали называть себя «*reformés*» («реформаты»). В 1515–1547 годах королем Франции был Франциск I. Уже тогда реформаты ощутили серьезные гонения со стороны власти. Преемником Франциска стал Генрих II (1547–1559), еще больше ужесточивший политику по отношению к гугенотам, которых он считал отъявленными еретиками. Однако именно со второй половины 50-ых годов XVI века наблюдалось наибольшее развитие и распространение протестантизма во Франции.

Противостояние католиков и протестантов во Франции началось с первых годов появления там протестантизма. Поэтому Варфоломеевская ночь не столько породила новые вопросы, сколько с особенной силой и неотложностью поставила остро проблемы социального кризиса, над которым уже в течение многих лет рассуждали гугенотские богословы, юристы, дипломаты и политики. Длительное время основной акцент ставился на терпении и смирении. Жан Кальвин, который поддерживал постоянную переписку с адмиралом Колиньи и другими лидерами гугенотов, призывал их к умеренности, молитве и надежде на Божье вмешательство. Такие уговоры и раньше помогали не всегда, а после Варфоломеевской ночи тем более не удовлетворяли гугенотов, многие из которых были дворянами и военными и не привыкли оставаться просто «мальчиками для битья».

Неужели нельзя сопротивляться даже тогда, когда начинается откровенный погром? Неужели христианин должен выбирать только между бегством и мученичеством? Неужели человек не имеет никаких религиозных прав и не может активно бороться за них? Неужели у монархов нет никаких обязанностей по отношению к подданным, а у подданных – никаких механизмов, чтобы спросить с монархов?

Эти и подобные вопросы были в центре внимания гугенотских политических трактатов, количество которых стремительно

возросло после Варфоломеевской ночи. Их главная мысль состояла в обращении к библейской идее завета. Правители и подданные связаны договором-заветом, который может быть писанным или неписанным, то есть официальным или подразумеваемым. Третья сторона и Гарант этого завета – Сам Бог, Который обещает благословлять правителей и народ, если они будут жить по Его законам, изложенным в Писании, и проявлять умеренность, серьезность и надлежащую координацию. Право сопротивления было по преимуществу религиозным правом, то есть проистекало из права свободно исповедовать свою религию [13].

Среди самых важных работ французских кальвинистов этого периода выделяются три: «Франкогаллия» Франсуа Отмана (1573), «О правах правителей» Теодора Беза (1574) и «Защита против тиранов», написанная под псевдонимом Стефана Брута (1579). Авторы этих работ называли монархонахами – то есть борцами против абсолютной монархии [14].

История двух континентов, история Европы и Америки в раннее Новое время, на самом деле стала совершенно иной, что объясняется среди прочего не только влиянием кальвинизма в целом, но и влиянием кальвинистских теорий сопротивления в частности [3, с. 7–70].

Таким образом, согласно кальвинистским теориям, важное место в сопротивлении отводится низшим магистратам. Подавляющее большинство реформатов считало такое сопротивление единственно возможным, и даже самые радикальные из них, допускавшие сопротивление частных лиц, считали сопротивление под руководством магистратов предпочтительным. Такая осторожность, вероятно, объяснялась прежде всего тем, что реформаты столкнулись с трагическими примерами стихийного народного восстания. Крестьянская война, Мюнстерская коммуна и Варфоломеевская ночь явили всей Европе, чем оборачивается бунт неуправляемой толпы.

Основной причиной и мотивацией политического сопротивления кальвинистов была борьба за свои религиозные права. А поскольку защита религиозных прав требовала соблюдения также других свобод (свободы собраний, печати, слова, образования, воспитания, передвижений, собственности и т. д.), то в кальвинизме религиозные права справедливо считаются «матерью» других прав человека. Некоторые кальвинисты по-

лагали, что сопротивление правителям, притесняющим «истинную религию», – это не просто право, а обязанность каждого христианина. Вероятно, именно эти представления дали жизнь более позднему афоризму, получившему широкое распространение уже в Америке: «Сопротивление тиранам есть послушание Богу». Фундаментальное значение для большинства кальвинистских теорий сопротивления имела концепция завета.

Религиозная концепция завета, несомненно, оказала влияние на развитие и воплощение более секулярной идеи «общественного договора». Это влияние можно проследить в трудах отцов концепции «общественного договора» – Джона Локка и даже Жан-Жака Руссо.

Вполне заслуживает дальнейшего исследования поставленный вопрос о влиянии идей Гуманизма на истоки европейских образовательно-культурных и политико-дипломатических систем: через призму современности к историческим истокам институциональной истории. Перспективы дальнейших исследований в этом направлении дадут возможность воссоздать целостную системную картину политико-дипломатического мира и национальных, религиозных особенностей ренессансного общества, и отдельно взятого ренессансного человека, в Европе Средневековья и раннего Нового времени, как институционального кластера межгосударственных отношений.

Исследование кальвинистских протестных теорий и европейской реформационной практики на примере идеологических конфронтаций и конкретных теологов позволяет определить институциональные особенности развития реформатской политической мысли Европы XVI века в целом, а также определить степень её влияния на политико-дипломатические процессы в Европе, в частности Восточной Европе, и на более поздние европейские секулярные политические концепции. Для реформатов библейская идея завета имела большой политический потенциал и сохраняла свою актуальность в быстро меняющемся европейском мире.

Литература

1. Барон Й., архиепископ. Христианство. Католичество. Реформация. СПб., 2017.

2. Голубкин Ю. А. Исследования о Мартине Лютере: Статьи и воспоминания / Ю. А. Голубкин; сост. А. Н. Токарев, С. А. Кариков; отв. ред. С. Б. Сорочан. Харьков, 2011.
3. Демчук О. Вибрані питання української Реформації: історичний досвід, причини невдачі, вагомі досягнення // Реформатський погляд. 2017. № 3:1. С. 7–70.
4. Дятлов В. О. „В ім'я Бога і загального добра”. Нижчі верстви населення німецького міста і Реформація / В. О. Дятлов. Чернігів, 1997.
5. Дятлов В. О. Реформи і Реформація в Німеччині (XV–XVI століття) / В. О. Дятлов. Чернігів, 2010.
6. Кальер Ф., де. О способах ведения переговоров с государями: Перевод первого французского издания 1716 г. М., 2000.
7. *Культура эпохи Возрождения* и Реформація: сб. научных статей / Под ред. В. И. Рутенбурга. М., 1981.
8. Листування Кальвіна із східноєвропейськими політичними та церковними діячами / Жан Кальвін // Реформатський погляд. 2017. № 3:1. С. 97–121.
9. Лютер М. Время молчания прошло / М. Лютер; пер с нем., ист. очерк, комментарии Ю. А. Голубкина. 2-е изд. Харьков, 1994.
10. Лютер М. Жить и возвещать дела Господни / М. Лютер; пер с нем., предисловие, послесловие и комментарии Ю. А. Голубкина. Харьков, 2001.
11. Мак-Грат А. Інтелектуальні витоки європейської Реформації / Пер. з англ. М. Климчука і Т. Цимбала. К., 2013.
12. Мюллер Р. А. Кальвін та Східна Європа: листування Кальвіна і географія реформаційної Європи // Реформатський погляд. 2017. № 3:1. С. 71–96.
13. Отман Ф. Франкогалія / Пер. И. Я. Эльфонд. М., 2015.
14. Сорочан С. Б., Домановский А. Н. Четверть века пути в средневековье: медиевистика на историческом факультете Харьковского университета / С. Б. Сорочан, А. Н. Домановский // Вісник ХНУ імені В.Н. Каразіна. 2015. №1145. Серія: Історія. Вип. 50. С. 41–58.
15. Циватий В. Г. Институционализация дипломатической службы европейских государств на рубеже Средневековья и раннего Нового времени: теоретико-методологический аспект // *Codrul Cosminului*. 2012. Т. XVIII. No. 2. P. 287–294. (Румыния).
16. Циватий В. Г. Дипломатична служба Франції доби раннього Нового часу (XVI–XVIII століття): інституціональні основи, модель, національні особливості // Древнее Причерноморье: Сборник научных

- статей / VIII Чтения памяти П. О. Карышковского. Одесса, 2008. Вып. 8. С. 371–377.
17. Эльфонд И. Я. Образ власти: Pro et contra. Политическая мифология, пропаганда и культура во Франции XVI в. Саратов, 2011.
  18. Barbiche B. Les institutions de la monarchie française à l'époque moderne. XVI-e – XVII-e siècle. Paris, 2001.
  19. Black J. A History of Diplomacy. Reaktion Books, 2010.
  20. Mowat Robert Balmain. A History of European Diplomacy (1451–1789). London, 1971.
  21. Vovelle M. Idéologies et mentalités / M. Vovelle. Paris, 1982.

Summary

Tsivaty V. G. The Ideological Confrontations of the European Reformation: Foreign Policy and Historical Features of the Institutionalization of the Calvinistic Theories of Political Opposition (view from the 21st century)

The Calvinistic protest theories and the European reform practices on the example of concrete theologians (Jean Calvin, Martin Luther, Ulrich Zwingli, Martin Bucer or Butzer etc.) are explored at the article. Such a research approach allows us to determine the institutional features of the development of the reformist political thought of Europe in the 16th century as a whole, as well as determine the degree of its influence on the political and diplomatic processes in Europe, in particular Eastern Europe, and the later European secular political concepts.